

Масштабное отключение электричества в городе продлилось недолго. Вскоре центральные кварталы один за другим заиграли огнями, и лишь редкие, разбросанные по окраинам сонные улочки оставались погруженными во тьму.

Вспыхнувшие уличные фонари разом залили светом мост и речную гладь, отчего прибрежные перила и деревья отбросили длинные, ломаные тени. Вскоре вкрадчивый шепот ветра заглушил доносившийся неподалеку английский лепет какой-то влюбленной парочки. В теплом янтарном сиянии глубокие карие глаза Сингэ казались точно такого же медового оттенка, как и свет над головой.

Две фигуры, привалившиеся к перилам, отбросили длинные силуэты, терявшиеся в густых, сочно разросшихся кустах внизу.

— Это все сказки, не верь, — негромко произнес Юй Сингэ.

В его облике сквозило мягкое замешательство, а упрямый завиток каштановых волос забавно торчал на макушке.

Чэн Цзие уже собирался незаметно убрать руку с его затылка, но Сингэ, словно почувствовав это движение, перехватил его запястье. Прохладные пальцы обхватили теплую ладонь — мягко, но уверенно.

Цзие замер.

Сингэ слегка нахмурился, отвел ладонь Цзие от своей шеи и после секундного колебания прижал ее к собственной щеке.

Какая же она холодная.

В груди у Цзие что-то дрогнуло. Он попытался отстраниться, но его гитарист держал крепко — высвободиться с ходу не удалось. Пальцы Цзие невольно дрогнули и слегка согнулись.

Мягкие кудри скользнули по ладони, щекоча кожу, и Сингэ ласково, по-кошачьи потерся щекой о его руку.

У Цзие перехватило дыхание, а по спине пробежала волна жара.

В таком положении казалось, будто он бережно качает лицо юноши в ладони. Сингэ смотрел прямо на него своими бездонными карими глазами, и в душе Цзие легко, неосознанно шевельнулась темная, властная потребность подчинять. На мгновение зародилась опасная иллюзия: этот человек полностью принадлежит ему.

Достаточно легкого усилия, чтобы сломать его, подчинить своей воле.

И Цзие вовсе не был к этому равнодушен.

Взгляд его потемнел, скользнув к чужим губам. Подчиняясь порыву, он медленно провел большим пальцем по мягкой щеке Сингэ.

Кожа была поразительно нежной и теплой.

Настолько, что безумно захотелось укусить.

Однако Сингэ, похоже, даже не заметил этой вспышки скрытой страсти. Он лишь слегка нахмурился, выпустил чужую ладонь и вполне серьезно заметил:

— Ну и ледышка же ты. Пойдем скорее домой, а то совсем замерзнешь.

«Так вот он о чем...»

Цзие помедлил секунду, пряча ладонь в карман. Ночная мгла надежно скрыла его замешательство и странную, горькую гримасу, скользнувшую по лицу.

— Пойдем, — тихо согласился он, опустив взгляд.

Каждый раз, когда ему казалось, что Сингэ сознательно играет с ним, тот с обезоруживающей легкостью находил самое невинное и логичное объяснение своим поступкам. Эта непосредственность порой пугала: пробиться сквозь такую броню искренности казалось задачей почти невыполнимой.

Речная гладь подернулась мелкой рябью, и внезапный холодный порыв ветра заставил листву прибрежных деревьев зашуметь сильнее. Путь, по которому они шли, все еще тонул во мраке.

Когда азарт от недавней игры в карты окончательно угас, навалилась сонная одурь. Юй Сингэ сладко зевнул.

С возвращением электричества город словно притих. В темноте всегда больше суеты и шума, но теперь все возвращалось на круги своя. Возле подъезда в плетеном шезлонге мирно дремал местный старик, а стоящий на земле радиоприемник тихонько нашептывал старинные мотивы оперы Хуанмэй.

Поднявшись на свой этаж, Сингэ полез в карман за ключами. Негромкий металлический звон разорвал тишину лестничной клетки. Вспомнив кое-что, юноша обернулся к Цзие:

— Слушай, а сестрица Сяо Цяо сегодня больше ничего не говорила?

Чэн Цзие покачал головой.

Хотя сам он прекрасно понимал, что Ду Цяо тогда вовсе не шутила.

— А я уж подумал, вы там что-то обсуждали, — Сингэ провернул ключ в замке и, толкнув дверь, обернулся с мягкой улыбкой. — Кстати, я переделал ту песню. Ну, помнишь, где тебе не понравился переход в бридже?

Не успел он договорить, как Цзие отозвался — ровно, без единой лишней эмоции на лице:

— Отлично. Я сейчас же взгляну.

Сингэ удивленно моргнул. Он уловил в поведении спутника едва заметную, но резкую перемену, однако виду не подал. Лишь слегка коснулся кончика носа и нерешительно закончил мысль:

—... Если, конечно, ты не против посидеть допоздна.

Цзие скользнул взглядом по окну, за которым сияли умытые неонами улицы Южного района.

— Для этого никогда не поздно, — ответил он, и в его голосе прозвучало нечто большее, чем просто разговор о работе.

Сингэ негромко рассмеялся, вытаскивая ключ из замочной скважины.

— Ну ладно. Проходи.

Тетрадь с нотами лежала на комод. Сингэ основательно перекроил черновик — вообще-то лучшим аранжировщиком в группе считался Чэнь Цин, и парень учел несколько его дельных советов.

Аппаратуры дома почти не водилось, поэтому Цзие просто принес из своей комнаты акустику, чтобы сыграть пробную партию вместе.

И ритм, и мелодический рисунок легли идеально. Юй Сингэ остался доволен результатом.

Вернувшись к себе, темноволосый вокалист сразу скинул куртку и теперь сидел прямо на ковре в одной майке, скрестив ноги и перебирая струны. Его глубокие, миндалевидные глаза то и дело скользили по лицу Сингэ, а на губах играла едва уловимая улыбка.

Сингэ подыгрывал ему, склонив голову набок. В какой-то момент он перехватил направленный на него взгляд — слишком пристальный, слишком красноречивый. Пальцы на мгновение замерли на грифе, после чего юноша поспешно уткнулся в свои струны.

Ему не казалось: после того памятного вопроса отношение Чэн Цзие неуловимо изменилось.

«Если ты решишь жениться, то какую партию выберешь?»

Сингэ задал этот вопрос импульсивно, не рассчитывая на серьезный ответ, и теперь ума не мог приложить, какие бездны он растревожил в мыслях своего вокалиста.

Финальный аккорд мягко растаял в воздухе, оставив после себя лишь легкое, вибрирующее эхо.

Взгляд Цзие все еще покоился на нем — тяжелый, почти осязаемый физически.

Сингэ вскинул голову и встретился с ним глазами. На его лице отразилось легкое, полущутливое смущение.

— Ну и чего ты так уставился, а? — с улыбкой спросил он. — Будешь так долго смотреть — я ведь могу и не то подумать.

Он задорно прищурился. В его карих глазах плескалось лукавство, но за этой шутливой ширмой скрывалось чуткое, выжидающее внимание.

Он сознательно прощупывал почву, заставляя Цзие балансировать на грани между дружеской пикировкой и чем-то гораздо более интимным. Пусть тот гадает, догадывается ли его гитарист о его истинных чувствах или просто беззаботно болтает.

Однако вопреки обыкновению Цзие не стал отводить взгляд или переводить все в шутку. Его темные глаза потемнели еще сильнее, а в уголках губ скользнула вкрадчивая, мягкая усмешка:

— А ты подумай. Я не против.

Его бархатный, глубокий голос прозвучал удивительно мягко, почти интимно — этот тембр, способный завораживать многотысячные залы, сейчас вибрировал дразнящим, откровенным призывом.

«Да, он точно изменился».

«Жаль, что мне пока приходится держать дистанцию и не торопить события», — вздохнул про себя Сингэ.

В залитой мягким светом комнате Чэн Цзие затаил дыхание, ловя малейшие изменения на лице собеседника.

Сингэ на мгновение оцепенел. В его глазах промелькнули искреннее удивление и замешательство. Осознав двусмысленность намека, он с легкой поспешностью отвел взгляд и заговорил чуть более хрипло и торопливо, пытаясь замять неловкую паузу:

— Эм... Слушай, мне кажется, этот трек получился отличным. Больше тут править нечего. А вот над остальным материалом еще стоит подумать...

Это была попытка сохранить видимость покоя. Его гитарист трусливо затормозил у самого края пропасти, так и не решившись заглянуть в его душу.

Неужели он его испугал?

Цзие опустил голову, его пальцы безвольно скользнули по струнам, извлекая глухой, оборванный звук.

«Всего лишь намек... и он уже бежит?»

В груди разлилась тяжелая, тупая тоска, мешая нормально дышать.

Сингэ, словно не замечая, насколько грубо и неестественно прозвучал этот переход, продолжал тараторить:

— Да, кстати! Помнишь, тот парень из инди-лейбла предлагал выпустить наши кассеты? Идея сестрицы Сяо Цяо насчет релиза мне кажется дельной, только нужно уладить технические моменты. Ли Гу говорил, что...

— Давай обсудим это позже, — резко перебил его Цзие.

Всегда невозмутимый и сдержанный, он впервые позволил себе проявить такую бестактность. Он порывисто вдохнул, собираясь что-то сказать, но вовремя прикусил язык.

— Я просто пошутил, — его голос прозвучал излишне натянуто. Поняв это, он поспешил смягчить тон и добавил уже гораздо тише: — Не принимай близко к сердцу, ладно?

В его глазах, устремленных на Сингэ, промелькнула робкая, почти отчаянная мольба.

Сингэ осекся на полуслове. Комната погрузилась в звенящее молчание.

В конце концов юноша растерянно почесал затылок. По его лицу трудно было понять, поверил он или нет.

— Да знаю я, — с легким смешком выдохнул он. — Просто ты обычно такой серьезный, а тут вдруг... Я и правда малость растерялся.

Словно сбрасывая напряжение, Сингэ весело улыбнулся и шутливо ущипнул Цзие за щеку.

Но настоящее облегчение испытал именно Чэн Цзие. Он даже не обратил внимания на эту фамильярность — лишь завороченно смотрел на Сингэ. Повинуясь внезапному импульсу, он протянул руку и ласково заправил непослушный каштановый завиток, упавший на лоб юноши, ему за ухо.

Кожа под его пальцами была нежной и горячей — Сингэ буквально источал живое, притягательное тепло. И Цзие отчаянно не хотелось убирать руку.

Впрочем, неловкость быстро рассеялась, и разговор вернулся в привычное мирное русло, словно никакой вспышки и не было. Сонливость постепенно брала свое, но у Сингэ как раз родилась отличная идея для аранжировки, и он, изо всех сил борясь с закрывающимися глазами, увлеченно делился ею с Цзие.

Но усталость все-таки победила. Задав очередной вопрос и не дождавшись ответа, Цзие повернул голову и обнаружил, что Сингэ уже крепко спит, уютно устроившись у него на плече.

Его веки были плотно сомкнуты, дыхание выровнялось, а голова мирно покоилась на плече вокалиста. Мягкие, пушистые завитки волос щекотали шею Цзие.

Он спал так безмятежно, что даже ресницы не вздрагивали. Цзие затаил дыхание.

Едва он потянулся, чтобы погладить Сингэ по голове, как тот сквозь сон невнятно пробормотал, заставив его руку замереть в воздухе:

— Буду спать прямо тут... Не хочу в кровать. На ней лежишь, будто в гробу...

Цзие невольно улыбнулся.

Он осторожно зачесал назад его растрепавшиеся кудри. Сингэ больше не произнес ни слова — видимо, эта забавная тирада была лишь мимолетным сонным бредом.

Раз уж он так вымотался, пусть спит здесь.

Цзие тихонько сходил в спальню, принес легкое одеяло и укрыл им гитариста. Тот тут же во сне перекатился на другой бок, подмяв одеяло под себя — спал он, надо признать, совершенно хаотично.

При тусклом свете ночника Цзие терпеливо высвободил зажатый край одеяла и заботливо подоткнул его со всех сторон.

Летом ночи тоже бывают коварными, и простудиться без одеяла проще простого.

В теплом сиянии лампы лицо Сингэ казалось удивительно умиротворенным. Сейчас, во сне, с него сошла привычная маска неумного веселья, но Цзие знал: стоит этому парню открыть глаза, как он вновь озарит все вокруг своей лучезарной, искренней улыбкой.

К тому же он был так молод.

Чэн Цзие опустил взгляд.

Им обоим предстоял долгий, тернистый путь.

И Цзие физически не мог перенести мысль о том, что когда-нибудь Сингэ станет так же улыбаться кому-то другому, а его собственный силуэт растает в сумерках этого пути.

Эта внезапная ночная тьма приоткрыла для него завесу грядущего.

Если он продолжит бездействовать, то потеряет Юй Сингэ навсегда.

Значит, нужно действовать.

Главное — действовать осторожно, чтобы не спугнуть.

Главное — сделать его своим.

Цзие медленно убрал руку, поднялся на ноги и на цыпочках подошел к выключателю.

Комната погрузилась во мрак, нарушаемый лишь тихим шорохом листьев на балконе, где ветер легонько покачивал комнатные цветы. Но Цзие не спешил уходить.

Он замер у дивана, пристально вглядываясь в спящего юношу. Слабые отсветы уличных неоновых вывесок едва выхватывали из темноты очертания его лица. В глазах вокалиста застыло сложное, нечитаемое выражение.

Он стоял неподвижно, чутко вслушиваясь в размеренное, глубокое дыхание Сингэ.

За окном шумел ветер. Прошло немало времени, прежде чем Цзие окончательно убедился, что Сингэ спит безмятежным, глубоким сном. Только тогда он шевельнулся.

В полумраке темноволосый мужчина медленно склонился над диваном и едва ощутимо прижался губами к закрытому веку юноши.

Это был невесомый, обжигающий и отчаянно тихий поцелуй.

Этой ночью, когда в воздухе разливался сладкий аромат цветущего аглая, он мысленно вынес себе приговор.

Отныне он никогда не назовет себя его другом.

<http://bllate.org/book/18241/1765501>